

Таким образом, мировоззрение Степного как художника сформировалось под влиянием идей русских революционных демократов, что и определило острую социальную направленность, а также жанровое своеобразие его творчества. В своих произведениях на фольклорной основе, в очерках на злобу дня писатель показывает жизнь восточных окраин России: коренного полукочевого населения, переселенцев-русских — городской бедноты, казаков, интеллигенции.

Литература

1. Слобожанин К. [Б. н.] // Голос трудового казачества. 1918. 12 мая (№ 16).
2. Степной Н. Две жизни // Степь : Оренбург. лит. сб. Кн. пятая. Оренбург, 1917. С. 43–155.
3. Степной Н. День учительницы // Голос трудового казачества. 1917. 13 (26) мая (№ 27).
4. Степной Н. Дорожное // Голос трудового казачества. 1918. 7 (20) апр. (№ 3).
5. Степной Н. Дорожное // Голос трудового казачества. 1918. 17 (30) апр. (№ 10).
6. Степной Н. Записки ополченца // Степь : Оренбург. лит. сб. Кн. третья. Оренбург, 1916. С. 3–40.
7. Степной Н. Патима // Степь : Оренбург. лит. сб. Кн. третья. Оренбург, 1916. С. 1–26.
8. Щербакова Е. К., Сербина Н. С. Традиции жанра восточной повести в творчестве В. И. Даля и Н. А. Крашенинникова // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 152–154.
9. Юсупов Т. Ж. Развитие русской прозы XVIII века. (Проблематика, поэтика, восточные мотивы). М., 1993.

И. В. Козлов

Екатеринбург

Творчество П. Я. Блиновского в екатеринбургской периодике: жанр стихотворного фельетона

Блиновский имел все данные для того, чтобы быть первоклассной величиной на горизонте русской поэзии, однако мы этого не видим. Это не произошло оттого, что, человек безусловно талантливый, Павел Яковлевич прежде всего необыкновенно разбрасывался. Он ни на чем не останавливался вдумчиво и продолжительно, как бы скользил по явлениям жизни и литературы. Кроме того, он был виртуозом слова — каламбур, игра слов, трудная и какая-нибудь искусная рифма всегда соблазняли его, настолько соблазняли, что подчас заслоняли собою мысль [2, л. 4–4 об].

Такая оценка литературной деятельности П. Я. Блиновского сохранилась в воспоминаниях В. Весновского. Впрочем, сложно представить, чтобы газетный фельетонист мог не «разбрасываться»: для того чтобы почти в каждом номере ежедневной газеты — будь то «Уральская жизнь», «Зауральский край» или «Голос Урала» — помещать стихотворный фельетон (объем некоторых доходил до

нескольких сотен строк), необходимо было чутко улавливать «злобы» дня¹, оперативно реагировать на «происшествия» и все это оформлять в виде остроумных произведений, претендующих на популярность и цитирование среди читателей.

Современники отдавали должное таланту Блиновского (*Мистера Бумса*), фельетоны которого заняли достойное место (и по качеству, и по количеству) в ряду стихотворных фельетонов Н. Станиславова (*Садко*) и В. П. Чекина (*Никто-не, Еноткин*)². Фельетонное творчество Блиновского привлекает внимание современных исследователей [см.: 3].

Весновский вспоминает, как в апреле 1899 г. П. Я. Блиновский пришел наниматься на работу в «Уральскую жизнь»: «Это был молодой человек лет 17–18, блондин, очень застенчивый, неуклюжий, неповоротливый» [2, л. 1]. Вскоре от корректуры и корреспонденций он перешел к написанию стихотворных фельетонов, которые в «Уральской жизни» публиковались под псевдонимом *L'homme qui rit* (фр. «человек, который смеется»)³.

В связи с тем что «злобы» дня, то есть поводы к написанию фельетонов, повторяются (например, жара и пыль, наступающие на жителей каждое лето), стихотворные фельетоны зачастую можно собрать в циклы. Однако при этом объединить их одной темой или одним героем и выстроить в единый событийный ряд невозможно и вряд ли целесообразно. Именно поэтому циклы фельетонов Блиновского носили названия, которые подчеркивали *мозаичность* впечатлений, событий, многочисленность участников этих событий: «Отрывки»⁴, «Оттиски»⁵. В 1909 г. *Мистер Бумс* возобновил печатание «Оттисков» (это было всего шесть стихотворений), а в новом 1910 г. стал печататься «Калейдоскоп» (около 100 фельетонов, иногда «прерывавшихся» «Ирбитскими мотивами»), перешедший и в 1911 г. и затем потерявший общее название. В 1914 г. фельетоны *Мистера Бумса* вновь появились на страницах газеты. В общей сложности произведения Блиновского под данным псевдонимом встречаются в «Уральской жизни» 271 раз, под псевдонимом *L'homme qui rit* — 77 раз. Кроме того, Блиновский также публиковал лирические стихотворения — уже под настоящей фамилией.

---

¹ Так говорили сами фельетонисты в то время: «Мое перо почти отвыкло / От утомительного цикла / Непрерывающихся “злоб” — / И лишь теперь опять проникло / В их бытовую калейдоскоп» [17].

² Здесь названы только наиболее известные псевдонимы фельетонистов.

³ Под этим псевдонимом в 1884 г. в «Екатеринбургской неделе» (№ 6) был опубликован «Романс». Едва ли он принадлежал Блиновскому, поскольку в это время ему было четыре года.

⁴ Публиковались в газете «Уральская жизнь» в 1902 г., всего 78 фельетонов. В это же время Блиновский под тем же псевдонимом печатал и другие фельетоны и стихотворения, не входящие в данный цикл.

⁵ Публиковались в «Уральской жизни» в 1906 г. Этот цикл не стал слишком большим, было опубликовано менее десяти стихотворений. Здесь впервые появляется псевдоним «Мистер Бумс». В этом же году газета публиковала фельетонный цикл Садко «Альбом открытых писем».

Одно из основных требований к стихотворному фельетону — оригинальность, поэтому важной задачей для автора становится создание яркого образа рассказчика. Разговорный стиль речи, в котором было выполнено произведение, должен был непременно характеризовать определенного субъекта речи — обывателя, горожанина, непризнанного поэта, заезжего путешественника-чиновника (образ последнего, например, часто встречается в фельетонах *Садко*) и т. п.

Впервые псевдоним Блиновского *Мистер Бумс* появляется на страницах «Уральской жизни» 11 декабря 1905 г. Сперва же, приехав из Перми, он публикует фельетон под псевдонимом *Путник* — что было вполне логично, однако повторяло образ *Садко*-путешественника. Как раз вскоре на железных дорогах случилась забастовка, и герой фельетонов Блиновского был «вынужден» себя переименовать: «Я прежнюю подпись оставить не мог, / К ней больше не будет возврата: / Ввиду забастовки казенных дорог, — / Мне “Путником” быть трудно-ваго. (*Мистер Бумс (Путник)*)» [16].

Рассказчик стремится представить себя человеком оригинальным, остроумным. Например, он решается использовать «непригодную» для фельетона строфу — октаву [15] (здесь очевиден «перепев» «Домика в Коломне» Пушкина): «Но, боже мой, поднимется ль рука / На важную и строгую октаву? / Позволит ли игривая строка / Придать себе подобную оправу? / Возможно ли высмеивать слегка / Таким стихом лорд-мэра и управу?... / Мне кажется, что этого нельзя; / Но хочется мне выудить язя». Комический эффект в этом случае создавался мнимым несоответствием темы фельетона и формы, реминисценции из поэмы Пушкина играют в этом не последнюю роль.

Рассказчик фельетонов Блиновского, что характерно, постоянно в пути, в поисках «темы», «злобы» — возможно, поэтому он отчасти маргинален: «Раз решено — и я в походе, / По отвратительной погоде / Бреду десятого числа / (Как будто на зло всей природе / Меня нелегкая несла!...). <...> / Едва вошел и шляпу сдвинул, — / Швейцар мне взор надменный кинул / И отвернулся головой... / ...Тут мелкий люд не в авантаже...» [8].

Поскольку Блиновский был не единственным фельетонистом в городе, неизбежно возникали и споры с другими фельетонистами, и, наоборот, дружеские переключки. Так, Весновский пишет:

Я помню, как волновался Блиновский, когда в конце 1902 г. он предложил издателю «Урала» Чекану третейский суд за помещение в газете (№ 1614 от 16/IX) заметки «Среди обывателей», написанной пьяным Борисовским (Энбе), в которой позорилось в Блиновском достоинство литературного работника, пятнавшем его честь.

Это была обычная клевета Борисовского, а Павел Яковлевич принял всерьез.

С Борисовским он судился за клевету, а Чекану печатно заявил, что он человек, лишенный нравственного достоинства и чести... [2, л. 5].

Это был, наверное, единственный случай, когда Блиновскому изменило чувство меры, и он «перешел на личности». Мемуарист отметил «известный недуг» Н. Борисовского [1]. Но Блиновский пишет об этом более резко: «“Урал”

вниманием нахальным / Оставить нас никак не мог / И с увлечением похвальным / Нам вновь отвел немного строк. / Один из членов прессы черной / Сказал “сотруднику”: “Отжарь!”, — / И вот — решительный, проворный — / Уселся за перо “Сизарь”» [30].

Спор же *Мистера Бумса* и *Садко* был дружеским. *Садко* писал Блиновскому (характерно обращение именно к Блиновскому, а не к *Мистеру Бумсу*): «Тебе, мой друг, Б-кий Павел, — / Как гражданин и как поэт, / Я все права свои оставил, / Но, впрочем, ты теперь кадет... / Но ты по духу пролетарий; / Напевы новых барских арий / В своем просторном шалаше / Тебе едва ли по душе. / Твой гений их немножко одобрит, / Но, милый друг мой, подожди: / Твоя остротка впереди: / Приедет некто “не одобрит”, / И — вот тебе рука моя, — / Ты захохочешь, как и я...» [23]. Примечательно различие стихотворных фельетонов *Садко* и *Мистера Бумса*: лирический фельетон, допускающий живописные вставки, «создающие настроение», и — сатирический фельетон, включающий «живописные зарисовки» для разговора о злободневном (например, об уборке улиц, ремонте тротуаров или устройстве парков).

На Урале появилось к этому времени культурное гнездо, несколько постоянных авторов газет, фельетонистов. Как видно из приведенных примеров, они дружески (или не очень дружески) переключались. Но замечательно также то, что они старались друг другу помочь. В 1914 г. увольняют из Шадринской земской публичной библиотеки Елизавету Виноградову⁶. Блиновский активно откликнулся на события, связанные с ее увольнением и затем «восстановлением в должности» [18]. Так же откликнулся Блиновский на события, связанные с содержанием в Челябинской крепости редактора «Голоса Приуралья» В. В. Весновского (1910). Через некоторое время и сам Блиновский «начал вести репортаж» из тюрьмы.

Таким предстает перед читателем рассказчик Блиновского: внешне он, может быть, и неказистый, сознательно надевающий маску «неавантажного мелкого люда», мечущийся по городу в поисках «злоб», страдающий от тех картин, которые предоставляет ему городская жизнь, или смеющийся над ними, однажды даже попадающий в тюрьму из-за своей литературной деятельности [4]. Его цели определены ясно, мишени для насмешек понятны, поэтому он может найти себе место среди других мастеров уральского стихотворного фельетона.

О чем и как пишет *Мистер Бумс*? Какой образ Екатеринбурга и Урала в целом он создает в фельетонах? Как звучит этот мир? Основные темы городских «злоб» были обозначены Блиновским уже в самом начале его деятельности. Водопровод, «электрический трамвай», чуть позже — новое здание театра и учреждение горного института (политехникума) — постоянные темы фельетонов как *Мистера Бумса* [см.: 26], так и других авторов. *Мистер Бумс* постоянно

---

⁶ К этому моменту она была уже известна на Урале поэтом, ее стихотворения публиковались в газетах «Рудокон», «Уральская жизнь», «Исеть». Ее брат Сергей Виноградов был одним из наиболее активных литературных критиков в уральской периодической печати.

подчеркивал ущербность, незначительность, незавершенность-недостроенность, неказистость и диковатость «городка» (провинциального Екатеринбурга, имеющего себя «столицей Урала»⁷), его неудобство для жизни, но одновременно с этим — стремление к культуре и цивилизации, к прогрессу.

В центре внимания героя фельетонов Блиновского символическое, культурное пространство города в различных его проявлениях. Упомянувшийся в «Отрывках» «мавзолей Александру Второму» есть не что иное как пустующий постамент в центре города на Кафедральной площади (о пустующем постаменте писали не много). Фельетонист часто обозначал отсутствие в общей памяти значимых (по его мнению) имен, событий, в том числе культурных. В частности — намеренное цензурное «изъятие» их из культурного обихода. В одном из фельетонов чиновник запрещает даже упоминать о почившем писателе — «крамольном» Л. Толстом [12]. Не менее крамольный Белинский тем более недостойн упоминания, особенно в названии библиотеки — фельетонист трунит над планами сотрудников библиотеки переименовать ее [5].

Важные лакуны в пространстве «городка» не означают, однако, что он пуст. Скорее — загадочен, наполнен абсурдными и тревожными событиями: «Нет! мір тревожный не уснул: / Он все волнуется и рвется, — / И часто крики “караул”! / Тревожат каменный аул, / Который городом зовется. / Попробуй, — брось свое окно, / Иди на улицу и слушай: / Там непроглядно и темно, / И жизнь так странно-неумно / Во тьме ломается кликушей...» [11].

В фельетонах Блиновского Екатеринбургу противостоит «глобальный» соперник, губернский город Пермь — именно с ним идет борьба за устройство Политехникума [19]. Кроме того, изображаются и другие города Урала: Невьянск, в котором власти силой циркуляра пытаются вернуть к жизни завод [13]; Ревда, в которой, «по слухам», обнаружен вулкан [27]; Нижний Тагил и его «порядки»: «В порядках Нижнего Тагила / Иное очень, очень мило. / Здесь вспоминается мотив / *Die Stille Wasser gründen tief*⁸. / Здесь обывательские сутки / Хранят большие промежутки: / На грани десяти часов / Их запирают на засов» [28]; Оса, которая «хочет, просит, “молит Богом” / Электричества» [22] и некоторые другие.

⁷ Отметим попутно, что формулировка «столица Урала» по отношению к Екатеринбургу уже в начале XX в. не просто была очень распространена, но и служила объектом для насмешек газетных фельетонистов. Так, например, *L'homme qui rit* начинал один из своих фельетонов: «Ох, боюсь я, “столица Урала”, / Как бы вдруг и тебя не застала / Роковая судьбина врасплох: / Право, город-то тоже ведь плох!» [25] (характерно, что Блиновский всегда ставит это словосочетание в кавычки — как известное и как не соответствующее действительности). Не менее ироничен и *Садко* (Н. И. Станиславов): «Итак — я в Екатеринбурге, / Почти в хребте уральских гор, / О коем в грешном Петербурге / Ты, вероятно, с давних пор / Слышал, что есть монетный двор. / Что где-то там в горах застряла / Столица сонного Урала, / И больше — кайся — про него / Ты знаешь очень, очень мало, / Верней, не знаешь ничего» [24].

⁸ В тихом омуте черти водятся (*нем.*).

Традиционно для жанра стихотворного фельетона почти обязательно наличие многочисленных пародий и перепевов, причем дополнительный комизм возникает в том случае, когда пародии на произведения разных авторов сменяют друг друга «как в калейдоскопе»; например у Блиновского: «Не искушай, брат Мармеладов, / Когда я сам тебя бедней / И полон самых мрачных взглядов / На обольщения прежних дней» [6]. Важно было также создать неожиданное комическое столкновение темы и прецедентного текста, причем такого, который был бы у всех на слуху. Так, например, получилось в перепеве одного из стихотворений Лермонтова (фельетон был посвящен выборам): «И скучно, и грустно... И некому голос отдать / Из гласных новейшей породы... / Что пользы напрасно и вечно на урне гадать, / Все те же у нас попадут в воеводы! <...> / Но кто же пойдет против хлебного рынка врагом, / Забыв о питаньи желудка?.. / Эх, все выбора, — как посмотришь с улыбкой кругом, — / Такая пустая и явная шутка!..» [10]. В отдельных случаях для подобной интертекстуальной переклички был объективный повод: к примеру, фельетон Блиновского, напечатанный в день 50-летия отмены крепостного права, повторяет стихотворный размер «Кому на Руси жить хорошо» [21; 20].

Еще одной характерной чертой стихотворного фельетона было создание неологизмов и использование слов, в определенной мере далеких от повседневного обихода читателей провинциальной газеты: «Службист, — лицом отменно-карий, — / Поистрепавшись от аварий, / Перенесенных им вчера, — / Уходит мрачно со двора / И робко шествует, как парий, / В глухие дебри канцелярий... / Он рад бы вновь “убить бобра”, / Но там, в кармане, у бедра, / Лежит всего один динарий» [9] (об «итогах» масленичной недели). Несколько фельетонов Блиновского построены на «двойном понимании» слов. Например, фельетон о запрете бегов и ипподрома: «А затем волнует едко / Господина старшину, / Что бега весьма нередко / *Нарушают тишину*... / Здесь подобие содома / Часто видит пред собой: / На дорожке ипподрома / Производят кони — *сбой!* / У коней тут — странный норов: / Стража бдительно-строга, / Но рысак из-под заповор / “*Ударяется в бега*”! / Чтоб коней, стоящих вкупе, / По владельцам различать, — / Дерзко принято на крупе / Класть *свободную “печать”*! / Огорчаясь бестолково / От “тотошкиных” измен, — / Сгоряча “*свободой слова*” / Разрешается спортсмен» [7; курсив в цитате наш. — И. К.].

Композиция стихотворного фельетона, как правило, строится следующим образом: в начале *Мистер Бумс* сообщает информацию о «случае» или обозначает тему (если перед читателем «фельетон-обзор»), затем нагромождается череда периодов, содержащих перечисление слухов, предположений, абсурдных допущений. В нескольких фельетонах Блиновский ограничивается только перечислением: например, доведенным до абсурда перечислением фамилий, людей, избранных членами вновь учрежденного ремесленного клуба [см.: 29].

В стихотворном фельетоне важен «финальный замок»: фраза, несколько строк (чаще — две рифмующиеся строки), к которым устремляется ожидание читателя и которые должны, по определению Кантом комического, «разрешить

это ожидание в ничто». Как правило, именно финал содержит «les mots», злободневные, запоминающиеся «словечки». Например, в одном из текстов Блиновского патетически настроенные гласные отправляются к «старцу из управы» с сообщением о смерти Л. Толстого. После комического диалога следует вывод: «Шли, — безгрешно-нелукавы, — / Разговоры в этом роде... / Ибо старец из управы — / Тих и сладок по природе. / Этим всех он подкупает... / И не нужно тут протеста... / Ибо он не “заступает”, / А... засиживает место...» [12].

С началом Первой мировой войны⁹ и отъездом Блиновского в Москву фельетоны *Мистера Бумса* исчезают со страниц екатеринбургских газет. Вновь Блиновский появится в Екатеринбурге и екатеринбургских газетах уже в начале 1920-х гг.

Литература

1. Борисовский Н. Некролог // Урал. 1902. 24 нояб. (№ 1648). С. 3.
2. Весновский В. Воспоминания // ОМПУ. Шарц А. К. Ф. 3754.
3. Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
4. *Мистер Бумс*. В тюрьме // Уральская жизнь. 1910. 25 дек. (№ 283). С. 3.
5. *Мистер Бумс*. День В. Г. Белинского // Уральская жизнь. 1911. 1 июня (№ 115). С. 3.
6. *Мистер Бумс*. Ирбитские романсы. «Не искушай меня без нужды...» // Уральская жизнь. 1910. 9 февр. (№ 31). С. 3.
7. *Мистер Бумс*. Ирбитское. VIII. «Что вы скажете на это?..» // Уральская жизнь. 1911. 6 февр. (№ 29). С. 3.
8. *Мистер Бумс*. Калейдоскоп. В зале екатеринбургской городской думы // Уральская жизнь. 1910. 13 июня (№ 126). С. 3.
9. *Мистер Бумс*. Калейдоскоп. Великопостные размышления // Уральская жизнь. 1910. 3 марта (№ 48). С. 3.
10. *Мистер Бумс*. Калейдоскоп. Выборная пародия // Уральская жизнь. 1910. 26 февр. (№ 46). С. 3.
11. *Мистер Бумс*. Калейдоскоп. Еще о съезде // Уральская жизнь. 1910. 24 июля (№ 159). С. 3.
12. *Мистер Бумс*. Калейдоскоп. Как у нас чествуют // Уральская жизнь. 1910. 20 нояб. (№ 254). С. 3.
13. *Мистер Бумс*. Новый опыт // Уральская жизнь. 1911. 14 июня (№ 126). С. 3.
14. *Мистер Бумс*. О злободневности // Уральская жизнь. 1914. 29 июля (№ 168). С. 3.
15. *Мистер Бумс*. Октава // Уральская жизнь. 1911. 19 мая (№ 107). С. 3.
16. *Мистер Бумс*. Отгиски. «Давно ли события железные?..» // Уральская жизнь. 1905. 11 дек. (№ 277). С. 2.
17. *Мистер Бумс*. Отгиски «Мое перо почти отвыкло...» // Уральская жизнь. 1909. 17 дек. (№ 271). С. 3.
18. *Мистер Бумс*. По Уралу. 2. Шадринск // Уральская жизнь. 1914. 5 февр. (№ 29). С. 3.
19. *Мистер Бумс*. Политехникум. (Из обывательского дневника) // Уральская жизнь. 1911. 11 июня (№ 124). С. 2–3.
20. *Мистер Бумс*. Праздничный день // Уральская жизнь. 1911. 22 февр. (№ 41). С. 3.

---

⁹ В одном из последних фельетонов сказано: «Теперь дерутся все народы, / А бедный город наш зачах...» [14].

21. *Мистер Бумс*. Праздничный случай (не-поэма) // Уральская жизнь. 1911. 19 февр. (№ 40). С. 3.
22. *Мистер Бумс*. Столбы в г. Осе // Уральская жизнь. 1914. 12 июля (№ 154). С. 3.
23. *Садко*. Альбом открытых писем (IX) // Урал. 1907. 8 сент. (№ 2957). С. 2.
24. *Садко Н. И.* Альбом открытых писем. II. «Смахнув прилив минутной грусти...» // Уральская жизнь. 1906. 13 сент. (№ 198). С. 2–3.
25. *L'homme qui rit*. «Злоба» // Уральская жизнь. 1903. 19 февр. (№ 48). С. 2.
26. *L'homme qui rit*. Отрывки // Уральская жизнь. 1902. 6 июня (№ 148). С. 2.
27. *L'homme qui rit*. Отрывки. XVII. «Так как тем для разговора...» // Уральская жизнь. 1902. 3 июля (№ 175). С. 3.
28. *L'homme qui rit*. Отрывки. XXIX. «В порядках Нижнего Тагила...» // Уральская жизнь. 1902. 31 июля (№ 203). С. 2.
29. *L'homme qui rit*. Отрывки. LXXIII. «И вот ремесленного клуба...» // Уральская жизнь. 1902. 4 дек. (№ 329). С. 2.
30. *L'homme qui rit*. «“Урал” вниманием нахальным...» // Уральская жизнь. 1902. 13 окт. (№ 277). С. 3.

Н. С. Журавлева

Челябинск

Деятельность областной комиссии Союза советских писателей в 1930-е гг. (на примере Уральского региона)

Оформление многих региональных отделений Союза советских писателей инициировал Первый Всесоюзный съезд писателей, проходивший в августе 1934 г. Ему предшествовало постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., утвердившее вместо множественности группировок единые творческие союзы. Советская власть, объявляя строительство социализма, нуждалась в социальной базе, для чего провозглашалась «культурная революция» с целью воспитания нового советского человека. Без привлечения литераторов этот процесс существенно затруднялся. В числе прочих остро стояла задача подготовки начинающих литераторов, вышедших из рабочего класса и крестьянства. Для управления периферийными авторами уже в декабре 1934 г. возник Сектор областной литературы. Его работники столкнулись с проблемой — неизвестностью самих писателей и их произведений. Поэтому на первый план вышли рецензирование и консультации. Так, в 1935 г. было разобрано 200 произведений (123 автора). Публикация рецензий в столичной печати также провозглашалась приоритетной формой работы. Если в 1933 г. вышло 33 рецензии, то в 1934 г. — 65 и в 1935 г. — 100 [8, л. 18]. В частности, Б. Гроссман о журнале «Штурм» (1935 г.) писал, что редакция помещает